

В. А. БИЛЬБАСОВ

Дидро в Петербурге

<...> Из всех государей, занимавших престол Российской империи, только одна Екатерина II заслужила единогласный отзыв современников, подтвержденный потомством. Петра Великого, при его жизни, многие проклинали, некоторые клеймят и поныне; Екатерина II взошла на престол при восторженных кликах всей России, была обожаема во все 35 лет своего царствования и до настоящего времени возбуждает сочувственный интерес историка. До сих пор о Петре I есть два мнения, о Екатерине II — одно: как современники называли ее «великою», так она почитается великою до наших дней, и нельзя ожидать, чтоб этот эпитет мог быть когда-нибудь серьезно оспариваем. Своими достоинствами и своими недостатками она имеет на него полное право.

Кто первый назвал Екатерину II великою? Несомненно, она сама — в своих писаниях и, еще более, своими деяниями. Вскоре по восшествии на престол, в 1766 году, она пишет графу Гюлленборгу¹, что «желание достигнуть совершения великих дел» * было развито в ней «более, чем двадцать лет назад». И именно, если верить указаниям ее же «Записок» **, в 1744 году, в первые же дни пребывания ее в России. <...>

«У меня ум от природы философский» ***, — пишет Екатерина, будучи великою княгиней. Это направление ее ума предугадал в ней, еще в ребенке, граф Гюлленборг¹. Посетив в Гамбурге родителей Екатерины, он укорял ее мать за то, что она «мало или вовсе» не занимается дочерью, и тогда же заметил, что это «ребенок развитой не по летам» и что у него «склад ума очень философский». Несколько лет позже, уже в России, тот

* Сборник ИРИО, т. X, с. 157.

** Mémoires de l'impératrice Catherine II. Londres, 1859, p. 28.

*** «Un esprit naturellement philosophique» (Сборник ИРИО, т. VII, с. 83).

же граф Гюлленборг назвал Екатерину «философкой в пятнадцать лет» и посоветовал обратиться к серьезному чтению. Она перечла на своем веку Платона, Цицерона, Тацита, Монтескье, много философских трактатов *, причем ставила себе за образец Вольтера: «в юности моей я хотела во всем следовать духу и писаниям Вольтера» **. В течение всей жизни она «читала, перечитывала и изучала все, что выходило из-под пера Вольтера» ***. В 1778 году, получив известие о его смерти, Екатерина пишет Гримму: «Вольтер — мой учитель. Он, вернее его произведения, образовали мой ум, мою голову. Я уж говорила вам не раз, думаю, что я его ученица (*je suis son écolière*); когда я была моложе, я любила нравиться ему; мне самой нравились только те мои деяния, которые были достойны быть сообщенными Вольтеру, и я его тотчас же уведомляла о них; он так привык к этому, что бранил меня (*il me grondait*), когда я забывала уведомлять его о новостях и он узнавал их стороною. Моя аккуратность в этом отношении ослабела лишь в последние годы, вследствие быстрого хода событий» ****.

Ни философский склад ума, ни чтение древних авторов, ни переписка с Вольтером не заслонили в Екатерине II женщины. Даже сухой и методический англичанин Димсдэл², приезжавший в Петербург в 1768 году, для приветия императорской фамилии осып, так описывает Екатерину: «Екатерина II, императрица всероссийская, росту выше среднего; в ней много грации и величия, так что даже если б можно было забыть о ее высоком сане, то и тут ее признали бы за одну из самых любезных особ ее пола. К природным ее прелестям прибавьте вежливость, ласковость и благодушие, и все это в высшей степени; притом столько рассудительности, что она проявляется на каждом шагу, так что ей нельзя не удивляться» *****.

Знала о своих «природных прелестях» Екатерина и пользовалась ими. Она умела повеселиться, охотно танцевала, любила наряды. Она с удовольствием передает комплимент по поводу прически «*en Moÿse*», сказанный ей маркизом де-ла-Шетарди^{6*}, вспоминает свое белое платье, *juste-au-corps*³, так всех

* Mémoires, p. 29, 74, 97, 120, 191, 225, 346.

** «In meiner Jugend ich wollte alles nach Voltaire's Sinne und Schriften haben» (Сборник ИРИО, т. XXIII, с. 215).

*** Там же, с. 113.

**** Там же, с. 102.

***** Там же, т. II, с. 320.

^{6*} Mémoires, p. 17.

пленившее на балу. «Моя наружность была привлекательна, в обращении я была предупредительна; всякий, поговорив со мною четверть часа, чувствовал себя как бы старым знакомым» *. Всякие условные приличия стесняли ее, и она не любила сдерживать себя в этом отношении. Она ненавидела визитов королей, «потому что обыкновенно это личности скучные, нелепые (*insipides*), при них нужно быть на вытяжке» **. Во время свидания с шведским королем Густавом III⁴ она пишет Гримму: ⁵ «Вот я опять в роли простушки при дворе; моя неловкость и обычная застенчивость снова проявятся во всем блеске. Помолитесь за меня» ***. При свидании с Иосифом II, в Могилеве, она чувствовала себя сперва неловко ****. Ее стесняли даже и «знаменитости» (*les personnages renommés*), так как их нужно слушать, а она сама любила поболтать за четверых (*jaser comme quatre*).

Рядом с особенностями чисто женскими в ней уживались, и в иных случаях даже преобладали, черты мужского характера. Еще девочкой, во время переезда из Цербста в Москву, она пишет из Либавы своему отцу, что на дороге прихворнула, в чем, как сознается, сама виновата — «уничтожив все пиво, случившееся на дороге» *****. Будучи великою княгиней и услышав совет, поданный ее мужу, что «всех раненых следует убивать», она шепнула своему соседу: «я начала бы с того, что пустила пулю в лоб такому советнику» ⁶*. В своих «Записках» она пишет: «я была прямым и честным рыцарем, с душою более мужскою, чем женскою; все находили во мне, рядом с характером мущины, привлекательность весьма любезной женщины» ⁷*. В письме к г-же Бьельке⁶, приятельнице своей матери, Екатерина сознается, что может «хорошо вести разговор только с мущинами» ⁸*. Она с негодованием говорит, что мужчины «не могли себе представить, чтоб последовательный образ действий мог быть плодом женского ума» ⁹*.

* *Ibid.*, p. 17, 59, 134, 287 и др.

** Сборник ИРИО, т. XXIII, с. 91.

*** Там же, с. 128.

**** «*Au commencement je suis*» (Там же, с. 190).

***** «*Ayant avalée toutes les bières, que j'avais trouvée dans mon chemin*».

⁶* Сборник ИРИО, т. VII, с. 97.

⁷* *Mémoires*, p. 330.

⁸* Сборник ИРИО, т. X, с. 105.

⁹* Там же, т. VII, с. 96.

В феврале 1778 года Екатерина, все еще любившая повеселиться, потанцевать, несмотря на свои 49 лет, имела в виду, в течении двух недель, одиннадцать маскарадов, «не считая обе- дов и ужинов, на которые я приглашена». Сообщая об этом Гримму в Париж, она шутя прибавляет: «Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафию; я сказала, чтоб торопились, так как хочу иметь удовольствие самой исправить ее; в ожида- нии, я, для забавы, сама начала составлять свою эпитафию» *. Эта эпитафия-шутка сохранилась в государственном архиве. Вот как рисует в ней свой образ сама Екатерина:

«Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля (2 мая) 1729 года. В 1744 г<оду> она прибыла в Рос- сию, чтоб выйти замуж за Петра III. Будучи 14 лет, она соста- вила себе тройной проект — понравиться мужу, Елизавете и нации. Она ничего не упустила, чтоб иметь успех. Восемнадцать лет скуки и уединения доставили ей возможность прочесть много книг. Достигнув трона, она стремилась к добру и стара- лась доставить своим подданным счастье, свободу и достаток. Она охотно всем прощала и никого не ненавидела; снисходи- тельная, с которою легко жилось, веселая по природе, респуб- ликанской души и доброго сердца, она имела друзей; труд был ей легок; общество и искусство ей нравились».

Благодаря трудам Русского исторического общества, издавше- го уже несколько томов «Бумаг императрицы Екатерины II», мы можем составить довольно полное представление о внутрен- ней личности Екатерины, какую она является в своей перепис- ке; мы можем начертанный ею образ проверить ее же собствен- ными словами.

Екатерина II писала много, писала охотно и, конечно, не для препровождения времени, не для забавы. На ее замечание: «*le lire et l'écrire devient amusement, quand on y est accoutumé*» **⁷ менее всего можно полагаться. По меткому выражению Зибе- ля ***⁸, Екатерина хорошо умела употреблять перо на служе- ние своим целям; она видела в нем довольно верное средство, когда небрежно набрасывала на бумагу доверчивые строчки к другу и когда писала остроумные письма к Вольтеру и энци- клопедистам, которые должны были расточать ей похвалы по всей Европе, когда компоновала небольшую пьеску для своего

* Сборник ИРИО, т. XXIII, с. 77.

** Дневник Храповицкого (изд. Барсукова), с. 484; Русский архив, 1878, II, 291.

*** Hist. Zeitschr. V, 90.

придворного театра и когда составляла государственные проекты, которые должны были создать ей славу законодательницы. Екатерина II была слишком умна, чтобы быть искреннею в письмах к Вольтеру, Д'Аламберу и всем «знаменитостям» века, имевшим большое влияние на общественное мнение; она была честолюбива, много перенесла в жизни, хорошо знала людей и не могла, конечно, не быть осторожною в своих сношениях с ними, особенно же письменных. Она умела молчать, когда видела, что ее хотят вызвать на разговор; * тем более она умела писать, чтобы заставить говорить о себе то, что ей было нужно или желательно. Не подлежит сомнению, что из всех писаний Екатерины письма всего более могут служить материалом для обрисовки ее внутреннего существа. Но письма письмам рознь. Иное значение, например, имеет письмо к Д'Аламберу с уверением, что в России более свободы (*plus de liberté*), чем во Франции **, или к Вольтеру с категорическим уведомлением, что Россия пользуется полною терпимостью ***, и иное значение имеют письма к Гримму, в которых она, почти день за днем, записывает, рядом с отзывами о серьезных делах, всякие мелочи, до известий о рубашонке своего внука ****, великого князя Александра Павловича, и о здоровье *Monsieur Thomas* ***** , своей комнатной собачонки, включительно. Как произведения Вольтера Екатерина «читала, перечитывала и изучала», так и свои письма к нему она писала, переписывала и обдумывала в них каждое слово; письма же к Гримму — черновые наброски без предвзятой цели, во всяком случае, без задней мысли. В письмах Екатерины к Вольтеру ему предлагается материал для составления «*Siècle de Catherine II*», как *pendant* ⁹ к «*Siècle de Louis XIV*»; в письмах же к Гримму выражается потребность высказаться, поделиться радостью и выплакать горе ^{6*}, иногда просто поболтать с умным человеком, редко, впрочем, забывая, что этот умный человек, своею «*Correspondance littéraire*» ¹⁰, нормировал взгляды многих дворов не только на произведения искусства и на явления литературы.

* *Mémoires*, p. 59.

** Сборник ИРИО, т. VII, с. 179.

*** «*La tolérance est générale dans cet empire*» (Там же, т. X, с. 39).

**** Там же, т. XXIII, с. 215.

***** *Mémoires*, p. 2, 35, 88, 89, 147 et al.

^{6*} Сборник ИРИО, т. XXIII, с. 316 (от 2 июля 1784), 317 (9 сентября), 319 (14 сентября), 322 (26 сентября), 344 (от 28 июня 1785 г.).

Изданная Русским историческим обществом переписка далеко не полна. В ней нет, между прочим, ни одного письма Екатерины к Дидро. Переписка эта не предназначалась к печати. «Боюсь печати как огня. Никакой копии ни одной живой душе» — вот припев, беспрестанно встречающийся в письмах Екатерины*. Было бы, однако, большою ошибкою принимать этот припев в буквальном смысле. Екатерине было приятно всякое превознесение ее в печати, откуда оно ни исходило бы; она всегда щедро вознаграждала за такие похвалы** и никогда не высказывала серьезного неудовольствия за обнародование ее писем***. Она просто желала, чтоб письма служили только материалом для хвалебных статей, к которым она была чутка. «Le gazetier de Cologne en fera de bruit»****¹¹ — магический довод, всегда склонявший Екатерину к уступчивости.

Лица, знавшие Екатерину девочкой, ребенком, не могли объяснить себе, каким образом из скромной Софии-Доротеи-Фридерики могла вырасти «необычайно-знаменитая» Екатерина II. «На моих глазах она родилась, росла и воспитывалась, — говорит баронесса фон Принтцен, камер-фрейлина при “крошечном” ангальт-цербстском дворе*****. — Я была свидетельницей ее учебных занятий и успехов; я сама помогала ей укладывать багаж перед отъездом ее в Россию. Я пользовалась настолько ее доверием, что могла думать, будто знаю ее лучше, чем кто-либо другой, а между тем никогда не угадала бы, что ей суждено приобрести знаменитость, какую она стяжала. В пору ее юности я только заметила в ней ум серьезный, расчетливый и холодный, но столь же далекий от всего выдающегося, яркого, как и от всего, что считается заблуждением, причудливостью или легкомыслием. Словом, я составила себе понятие о ней, как о женщине обыкновенной». Такою она и была в доме родителей, где mademoiselle Cardel учила ее не скупиться в разговоре словом «monsieur», отчего «челюсти не развалятся»^{6*}, «ehwürdige pasteur»¹² Вагнер преподавал «предметы» и учил

* Сборник ИРИО, т. XXIII, с. 18, 74, 110, 119, 495, 535, 545 (werfen Sie ins Feuer alle meine Briefe), 548, 579 (jetez au feu ces lettres); т. XXXIII, с. 59, 185, 302.

** Там же, т. X, с. 37, 310.

*** Там же, т. XXXIII, с. 119 и др.

**** Там же, с. 30.

***** Записки Тьебо (Русская старина, т. XXIII, с. 589).

^{6*} Сборник ИРИО, т. XXIII, с. 18.

немецкому правописанию*, уроки французской каллиграфии преподавал Лоран**, музыки — Рэллиг***. Девочка росла одна, без подруг. Одним из развлечений было появление старой тетки, вечно восторгавшейся «застольными речами» Лютера¹³. Как воспитанием, так и образованием ребенка настолько пренебрегали, что граф Гюлленбург, друг дома, считал справедливым упрекнуть по этому поводу мать Софии-Доротеи-Фридерики.

Между тем из писем Екатерины несомненно, что зачатки происшедшей позже перемены были положены именно в этой скромной обстановке «крошечного» двора.

«Что вам делать в Штеттине? — спрашивает Екатерина Гримма в письме от 29 июня 1776 года. — Но если уж такая охота посетить Штеттин, то знайте, что я родилась в грейфенхеймском доме, что я жила и воспитывалась в левом углу замка, что я занимала наверху три комнаты со сводами. Там г-жа Кардель наставляла меня (m'endoctrinait) и г. Вагнер преподавал мне свои упражнения»****. В этих-то сводчатых комнатах грейфенхеймского дома впервые формировался «философский склад ума» ребенка. Вагнер и Кардель — две противоположности, каждая из которых имела свою долю влияния на восприимчивую девочку и обе вместе давали повод к сопоставлениям, быть может, пробуждали первые сомнения. Вагнер был лютеранин, Кардель — кальвинистка; он ни слова не понимал по-французски, она — ни слова по-немецки*****; Вагнер был тупой педант, знавший только свои «ennuyeuses Prüfungen»^{6*14}, Кардель «знала почти все, ничему не учившись, совершенно как ее ученица»^{7*}; Вагнер был «глуп», Кардель — «умная девушка»^{8*}, которая «знала по пальцам все комедии и трагедии»^{9*} и приохочивала свою ученицу к чтению комедий Мольера^{10*}. Кардель недаром прозвала девочку «esprit gauche»^{11*15} — София-Доротея-Фридерика принимала все наставления по-своему

* Там же, с. 43.

** Там же, с. 42.

*** Там же, с. 89. По Я. Гроту, Беллинг. Др. и Нов. Россия, 1875. I, 115.

**** Сборник ИРИО, т. XXIII, с. 50—51 (Prüfungen).

***** Там же, с. 78.

^{6*} Там же, с. 89.

^{7*} Там же, с. 79.

^{8*} Там же, с. 88.

^{9*} Там же, с. 18.

^{10*} Там же, с. 111.

^{11*} Там же, с. 113.

и делала все не так, как другие: * слушая Tischreden Лютера, чтение которых старою теткою сопровождалось восхвалениями их творца, девочка получила отвращение и к Tischreden **, и к их автору ***. Кардель не читала, конечно, с своей ученицей «Lettres philosophiques» Вольтера, но философский скептицизм века проникал в грейфенхеймский дом не через одного только Мольера. Из всех «скучных» наставлений Вагнера девочка запомнила только поучение, что «примеры ничего не значат, а все зависит от природы человека» ****, т. е. именно то начало, которое позже выставят, как свое евангелие, Гельвеций, Дидро, Гольбах. «Будучи девочкой, — пишет Екатерина, — я говорила себе: чтоб быть чем-нибудь (quelque chose) в этом мире, необходимо иметь качества, требуемые этим что-нибудь (quelque chose); посмотрим же серьезно в наше маленькое внутреннее я — имеем ли мы эти качества? Если не имеем — выработаем их. Что же это — ничто или лютеранство? ***** Право не лютеранство. Мартин Лютер был олух (rustre); он не поучал ничему подобному» 6*. Если отбросить «олуха» и вообще нападки на лютеранство, как выражения позднейшего развития и влияния политических соображений, получится тот «философский склад ума», который был замечен в этом «esprit gauche» еще графом Гюлленборгом, и нужен был только хотя бы внешний толчок, чтоб развитие этого склада приняло более серьезное направление.

Таким толчком был переезд в Россию.

Менее чем в месяц принцесса Цербстская была перевезена из Цербста в Москву. Это не был переезд из одного города в другой — это было переселение в совершенно иной мир, с иными нравами и обычаями, где люди чувствовали и мыслили иначе, иначе одевались, иначе ели. Фантастические путешествия Жюль Верна не производят на нас такого сильного впечатления, какое должно было произвести русское общество половины прошлого века на 14-летнюю принцессу, хотя и «toute faite» 16, как выразился Фридрих II в письме к императрице Елизавете. Золото и парча, нега и роскошь ослепляли и пленя-

* Сборник ИРИО, т. XXIII, с. 12.

** Там же, с. 41.

*** Там же, с. 29 (Votre Luther est un gros rustre).

**** Там же, с. 72.

***** Непереводаемая игра слов, подчеркнутых самою Екатериною: у a-t-il du rien ou luthérien a cela?

6* Сборник ИРИО, т. XXIII, с. 12.

ли глаз прежде, чем удавалось рассмотреть, что это не золото, а позолота, не нега, а разврат. Это был омут, в котором не легко было осмотреться, с которым трудно было освоиться, еще труднее сжиться; омут моральный еще более, чем политический и экономический. Интриги и козни, пересуды и сплетни составляли основу людских отношений; поступки и дела оценивались по степени успеха; нравственное чувство заменялось внешним приличием, служение делу — угодливостью лицам, религиозность — ханжеством. О любви, о сердечной привязанности не могло быть и речи там, где мать наталкивала дочь на любовника, лишь бы иметь внука*. Невежество царит во всех слоях общества и высоко поднимает голову даже у ступеней трона; архиерей официально сознается Синоду, что он «главою весьма немощен». Нигде никакой дисциплины: архиерей бьет по щекам воеводу; воеводский товарищ замучивает до смерти священника; члены коллегий и канцелярий небрегут службою, отчего происходит великая волокита в делах; на реприманды Сената никто не обращает внимания. По годам не производятся счета подушных денег; армии обкрадываются военачальниками; корабли гниют в гаванях; земледелие отягощается не установленными поборами; полиция бессильна против своеволия солдат, которые грабят, бунтуют и разбойничают; промышленная деятельность страдает от недостатка рук, которые все обратились к хищению и легкой наживе**. Нигде и ни в ком ни чувства долга, ни сознания своего достоинства. <...>

Вот среда, в которой Екатерине предстояло жить. Вскоре по приезде к русскому двору она уже чувствовала себя одинокою, без советника, без друга. Положение тяжелое. Екатерину спас ее холодный, расчетливый, бранденбургский ум.

Цербстская принцесса приехала в Россию вовсе не «наивным ребенком»***. Екатерина и в этом отношении была противоположностью Петра: он до самой смерти остался ребенком, она очень рано вышла из пеленок. Вскоре по приезде в Москву она узнала свое тяжелое положение и заболела. Несколько дней была она «между жизнью и смертью»; более месяца пролежала в постели, но оправилась — молодость и крепкая натура помог-

* Mémoires, p. 319.

** Соловьев. История России, XXI, 305 и след.

*** Sybel. Kl. Hist. Schr., I, 159: «Das Kind, welches ganz naiv die Hände nach dem Glanz der russischen Krone aufstreckte» u. s. w. *Hillebrand*, Katharina II und Grimm, Deut. Rundschau, VII, 385: «Das vierzehnjährige Prinzesschen, immerhim ein Kind» u. s. w.

ли перенести недуг. Перелом нравственный совершился, и она встала с постели с твердым намерением быть приветливою ко всем, не вмешиваться ни во что, не выдвигаться вперед, оказывать безграничное повиновение императрице, глубочайшее уважение великому князю и всеми силами стараться заслужить любовь всех в своем новом отечестве. Это решение было принято вполне обдуманно и проводимо с твердостью поражающею, особенно в женщине. Так, например, ни увещания отца, ни его «Pro memoria»¹⁷, ни обещания, данные отцу*, ничто не удержало принцессу, и она также легко из лютеранки сделалась православной, как несколько лет позже подтрунивала над обрядами греческой церкви**, глумилась над протестантством*** и улыбалась, слушая католическую мессу**** в Могилеве или приветствия иезуитов в Полоцке.

Где причина такой перемены? В чем искать разгадку этой решимости связать свою судьбу с миром, ей совершенно чуждым и, как мы видели, не особенно привлекательным?

Ответ, и довольно категорический, дала сама Екатерина сто лет назад, и этот ответ повторяется всеми и по сей день: она со знавала тяжелое настоящее, она предвидела горькое будущее, но решила все перенести, все претерпеть, потому что была «неравнодушна к русской короне»*****. К какой короне? Императрица Елизавета была тогда во цвете лет — ей был 36-й год; великий князь Петр Федорович — юноша, всего лишь годом старше самой Екатерины. О какой же короне могла мечтать великая княжна Екатерина Алексеевна в 1744 году? Здесь, очевидно, последующие факты вспоминаются для оправдания предшествовавших им решений. Кажется, нет надобности повторять слова Екатерины о короне, не имевшие в то время никакого значения, когда существуют более близкие и естественные мотивы — Екатерина вывезла их со своей родины, они поддерживали ее в пути из Цербста в Москву, они облегчили ей понимание православных уроков архимандрита ипатского, они же побудили ее к перемене, имевшей влияние на всю ее жизнь.

Екатерина родилась и росла в довольно скромной обстановке «крошечного» двора, среди скудной поморской природы, при-

* Сборник ИРИО, т. VII, с. 2.

** Там же, т. XXIII, с. 19, 257, 597, 683; т. XXVII, с. 4.

*** Там же, т. XXIII, с. 12, 28, 41, 106, 331.

**** Там же, с. 181—182.

***** Mémoires, p. 16: «Le grand duc m'était à peu près indifférent, mais la couronne de Russie ne me l'était pas».

чем ее уму и воображению беспрестанно и повсюду рисовались картины могущественной державы, славной своими громкими победами, поражавшей своими несметными богатствами, ослеплявшей роскошью своей жизни. Здесь, в Померании, повсюду стояли еще недавно русские войска; там, в соседней Дании, русский царь ведет, по пояс в воде, свои войска к победе; всюду, в рассказах, чудится ей грандиозная фигура Петра, командующего флотами четырех государств; вот, по Одере, плывут голштинские суда с ее земляками, едущими искать счастья в России. В Штеттине и Цербсте, в Гамбурге, Брауншвейге и Берлине, всюду слышит она рассказы о храбрости русских войск, о богатстве русских вельмож, о величии России, и эти рассказы глубоко западают в душу ребенка честолюбивого, сильно волнуют воображение, которое рисует ей заманчивые, чарующие перспективы. Когда с годами эти соблазнительные образы получили более сознательное значение, когда разность между цербстским и русским представлялась осязательнее — тогда-то является приглашение ехать в Россию, из цербстской принцессы стать русскою великою княгинею. Она видит в этой поездке осуществление ее детских мечтаний, быть может, юношеских вожелений, и едет охотно — в дороге она «походит на солдата, встречающего опасность с хладнокровием»*, и спит непробудным сном, когда разбились сани, ударившись на всем скаку об угол дома**. И по дороге, и в Москве все свидетельствует о богатстве, о роскоши — «все с галунами, все выложено золотом, великолепно»;*** все пленяет глаз — и звезда ордена св. Екатерины, и «шлейф на шею, и серьги брильянтовые в 60 000 рублей»****, и брильянтовая запонка, и «ожерелье в 150 000 рублей»*****. А уважение, а почет? «Мы живем, как королевы. Когда мы выезжаем, то выезд удивительный»^{6*}. Великолепная свита, толпа царедворцев, блистательный церемониал, *baise-main*¹⁸ — все это бросить ради «Верую» и возвратиться опять в мизерную обстановку «крошечного» двора? Если Париж стоил мессы, то Россия и подавно стоила «Верую», и Екатерина «*d'une voix nette et claire et d'une prononciation, qui a étonné*

* Брикнер, 210.

** Сборник ИРИО, т. VII, с. 23.

*** Там же, с. 28.

**** Осмнадцатый век, I, 423.

***** Сборник ИРИО, т. VII, с. 35.

^{6*} Там же, с. 28.

tout le monde, en récita tous les articles sans broncher d'une syllabe» *¹⁹. Не только в первые дни или месяцы, в первые годы пребывания Екатерины в России не могло быть и помыслов о «русской короне», ни даже после 21 августа 1745 года, дня бракосочетания. «Русская корона», как причина решения, принятого Екатериною, как мотив действий, явилась уже значительно позже, когда обдумывался план «Записок» и чувствовалась потребность придать своим поступкам мотивы более высокого порядка, государственного значения.

В течении 18 лет, с приезда в Россию до вступления на престол, Екатерине не раз приходилось читать «Верую». Нужна была крайняя осторожность, чтоб не возбудить подозрения императрицы, канцлера и той массы соглядатаев, которые следили за каждым ее шагом. Ей было запрещено переписываться даже с матерью, и она должна была прибегать к помощи иностранцев музыкантов, чтобы обмануть бдительность окружавших ее наушников и наушниц **. Среди придворного шума она была совершенно одинока: императрица не доверяла ей, муж не любил ее, приближенные ко двору, желая сохранить милость императрицы, избегали ее; даже придворная прислуга, стараясь выслужиться, относилась к ней недоброжелательно. Верная своему решению сохранить за собою занятое положение, Екатерина все видит, все наблюдает, все старается понять, но ничего не высказывает, все таит в себе, оставаясь со всеми мила и любезна, ко всем внимательна и предупредительна. Такое поведение начинало мало-помалу приносить свои плоды. В 1755 году английский посол Уильямс писал своему двору: «Как только Екатерина приехала сюда, она начала стараться всеми средствами приобрести любовь русских. Она достигла своей цели и пользуется здесь большою любовью и уважением. Ее обращение очень привлекательно» ***. Время, свободное от обязанностей, налагаемых придворным этикетом, Екатерина коротала беседами с фрейлинами, катаньем верхом и чтением. Благодаря совету друга своей семьи «питать свою душу серьезным чтением» ****, она постепенно переходит от романов, вроде «Tristan le blanc», от различных «Vies» Брантома к более серьезным книгам, как «Vie de Henry IV» Перефикса или «Histoire d'Allemagne» Барри, прочитывает Плутарха, Цицерона, трудится над

* Сборник ИРИО, т. VII, с. 33.

** Mémoires, p. 92; Сборник ИРИО, т. VII, с. 71.

*** Соловьев, XXIV, 56.

**** Mémoires, p. 29; Сборник ИРИО, т. X, с. 157.

Монтескье, с наслаждением проглатывает «Lettres de M-me de Sevigné», в 1746 году впервые знакомится с сочинениями Вольтера, читает «Dictionnaire historique et critique» Бэйля, «Политику» Платона, «Деяния церковные и гражданские» Барония, читает много, выбирая книги из присланных ей каталогов Академии. Если жизнь выработала характер Екатерины, то чтение образовало ее ум, дисциплинируя его в общефилософском направлении. Граф Гюлленбург, видевший Екатерину в 1745 году, назвал ее «философкой в пятнадцать лет»; в 1750 году она в письме к матери говорит уже о себе: «философка насколько можно, я не даю воли страстям» *, а через год, с 1751 года, начинает выходить «Encyclopedie» Дидро, с которой Екатерина долго уже не расстанется. Чтение философов века, особенно же энциклопедистов, обогатило Екатерину такую политическою зрелостью, которая не достигается ни практикой, ни опытом **. Она доказала это не столько вступлением на престол, сколько действиями, подготовившими переворот 28 июня 1762 года. Практические именно соображения и житейский опыт в значительной степени изменили ее политические взгляды и убеждения и, конечно, не в том направлении, которое могло бы порадовать философов, бывших ее учителями. Прежде, будучи великой княгиней, она читала философские и политические сочинения единственно для собственного развития, для просвещения своего ума; позже, став императрицей, она вошла в непосредственные сношения с философами, имея в виду их влияние на общественное мнение, желая привлечь их на служение своим целям.

* Сборник ИРИО, т. VII, с. 72.

** Вот, для примера, несколько заметок, набросанных Екатериною в последние годы царствования Елизаветы: 1) «Свобода — душа всего на свете, без тебя все мертво. Желая, чтоб повиновались законам, но не рабски; стремлюсь к общей цели — сделать всех счастливыми» (Сборник ИРИО, т. VII, с. 84); 2) «Власть без доверенности народа ничего не значит для того, кто желает быть любимым и славным; этого легко достигнуть — стоит только основать свои действия на благе народа и на справедливости, на двух началах, всегда неразлучных» (Там же, с. 85); 3) «Если хотите уважения общества, то приобретите его доверие, основывая весь образ ваших действий на правде и общественном благе» (Там же, с. 88).